

НА ПЕРЕПУТЬЯХ жизненных дорог проходят перед нами люди, однажды и на всю жизнь взявшие на себя труднейшую миссию приобщения людей к высокому искусству музыки. Это исполнители, интерпретаторы. По-разному судим мы о них: то восхищаемся, то критикуем без пощады. Но не им ли, и великим, и менее известным, обязаны мы теми редкими минутами душевных озарений, которые дает общение с музыкой и которые порой становятся важными вехами нашей жизни!

Такой памятной вехой для многих москвичей стал вечер 30 декабря 1961 года в Большом зале Консерватории: дирижер Кирилл Кондрашин с руководимым им тогда оркестром Московской филармонии впервые представил слушателям Четвертую симфонию Дмитрия Шостаковича. В этом «представлении» было многое, и прежде всего открытие. Снятая самим автором с премьеры еще в 1936 году, симфония не исполнялась ни разу, а партия ее пропала. К счастью сохранились оркестровые голоса. По ним музыковедом Л. Атовмяном был восстановлен полный текст сочинения. И вот через двадцать пять лет мы услышали предшественницу знаменитой Пятой. Услышали серьезнейшую по мыслям, драматичную и глубоко выстраданную исповедь художника. Симфония «говорила» с нами не из прошлых довоенных времен: в ее замкнутой, строгой трехчастной форме плескался и бурлил нынешний день, его трагедии и радости. Сам дирижер вспоминает эту премьеру как знаменательное событие своей жизни, как начало многолетнего общения с великим композитором. А через год новым событием нашей музыкальной жизни стала премьера Тринадцатой симфонии Дмитрия Шостаковича, которую исполнили также Кирилл Кондрашин и оркестр Московской филармонии.

Дирижер пришел в коллектив в 1960 году, пришел зрелым мастером, за плечами которого был более чем двадцатипятилетний опыт оперного и симфонического дирижирования. Оркестр и дирижер росли вместе, ставя перед собой все новые, все более сложные задачи. Рост мастерства и популярности оркестра Московской филармонии, ныне академического, ставшего одним из лучших в стране, широко признанного и за рубежом, — это ли не высокая оценка и «знак качества» его главного руководителя?

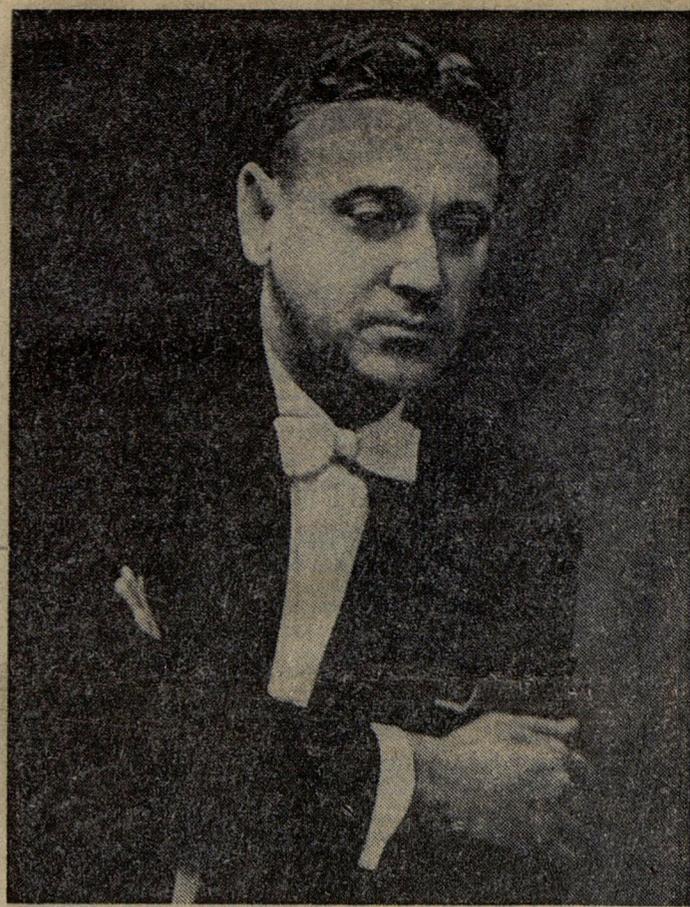
Это может показаться парадоксальным — родители будущего дирижера были энтузиастами и артистами первого в нашей стране оркестра без дирижера — Персифанча. Нет, не из духа противоречия, не из жадности подтвердить антитезу «отцы — дети» выбрал юный Кирилл свою профессию — к этому его вели яркая одаренность, абсолютный слух, великолепная память, музыкальная атмосфера дома. Он постоянно посещал репетиции и концерты Персифанча, жадно вдыхая живительный воздух новой для него Страны симфонии. Именно тогда пришлось твердое решение... стать дирижером.

Посещая в студенческие годы галерку Большого зала и оперные спектакли в Москве и в Ленинграде, Кондрашин поражен разнообразием дирижерских почерков тех выдающихся мастеров, которых посчастливилось слышать ему и его сверстникам в тридцатые годы: Пазовский, Голованов, Самосуд, Клемперер, Штидри, Клайбер, Сенкар, Фрид — было у кого учиться, было кем восхищаться!

Судьба артиста складывается по-разному. Жизнь надолго связала Кондрашина с оперным театром. Вначале Ленинградский Малый оперный, затем Большой, в котором он проводит тринадцать лет, вплоть до 1956 года (за спектакли «Вражья сила» Серова и «Проданная невеста» Сметаны, осуществленные здесь, К. Кондрашин в 1948 и 1949 годах был удостоен Государственных премий СССР). Встречи в Ленинграде с замечательным маэстро Фрицем Штидри, у которого Кондрашин работал ассистентом, он вспоминает, как ярчайшие странички своей жизни, своего художественного роста, приобщения к тайнам дирижерского мастерства.

Работа в качестве театрального дирижера дала мне немало, — говорит Кирилл Петрович, — во многом определила, сформировала мой взгляд, мои принципы подхода к симфонической музыке. В симфонической партитуре я ищу драматургию, образность, свойственную театральной музыке, то есть идущую от театра. Может быть, поэтому я всегда охотно играю программную музыку, люблю музыку Чайковского, Малера, Шостаковича. В симфониях этих авторов я чувствую сюжет, слышу человеческую драму, почти зримую. Этим своим «театральным видением» я пытаюсь заразить оркестр.

Более двадцати лет, проведенных в театре, были и школой мастерства, и подготовкой к «главной книге» жизни — симфоническому дирижированию. За прошедшее время был накоплен и симфо-

люди искусства

МИССИЯ ДИРИЖЕРА

Р. ПЕТРУШАНСКАЯ

нический репертуар в работе наедине с партитурами, на концертах, в общении с крупными художниками-интерпретаторами.

Что же характерно для Кондрашина-дирижера, в чем своеобразие артистического почерка, исполнительской манеры? Прежде всего его отличает интерес к современной, главным образом советской, музыке, которую он интерпретирует с подлинным вдохновением. Интерес к сочинениям, в которых заложены острая конфликтность, драматизм. Ясность художественных и исполнительских принципов. Стремление выработать современный, гибкий исполнительский стиль, добиться высокой культуры ансамблевой игры. Энергия, темперамент, активность, подчас непреклонная воля. Безмерная трудоспособность. Великолепные организаторские качества. Вот приметы его облика. Случалось, не все требования дирижера принимались оркестром легко и сразу. Не всегда он достигал абсолютного контакта с музыкантами. Но, считает Кондрашин, без споров, порой обостренных, не может быть подлинной творческой атмосферы, иначе коллективу грозит безликость. Его задачей всегда было найти общий язык с оркестрантами, «заставить их понять и принять себя».

Работая над партитурами, особенно классических произведений, Кондрашин избегает всякого произвола, вольностей, строго соблюдая границы «интерпретационного права». «В музыке нет мелочей, несущественного», — любит повторять дирижер. Важнее значение он придает тому, что называет «психологическим наполнением нюансов», то есть осмысливанию разнообразия динамических оттенков, многоцветью их палитры, их градаций, у различных инструментов, у разных авторов: форте у Моцарта, например, отличается от форте Брамса или Малера. Проблема нюансов — это проблема стиля, утверждает дирижер. Его также занимают вопросы строя оркестра, звукового баланса. Технология? Да. Но технология — основа мастерства. Без нее немыслимо раскрытие образного содержания сочинения.

А пока идет сезон за сезоном. И вот новые события — премьеры «Военного реквиема» Б. Бриттена, «Казни Стевана Разина» и Второго скрипичного концерта Д. Шостаковича. Пятой симфонии М. Вайнберга. Второй симфонии Б. Чайковского (обе последние посвящены дирижеру).

Кондрашин смело раздвигает оамки собственного репертуара, включая в него сочинения Моцарта, Гайдна, Брамса, позже — Дебюсси, Равеля. И неизменно постоянное место в программах занимают советские авторы — Р. Шедрин, Э. Мирзоян, А. Николаев, Ю. Левитин, Ю. Буцко. Сочинениям этих композиторов давал путевку в жизнь оркестр Московской филармонии.

Еще в конце пятидесятых годов имя артиста часто связывали с именами выдающихся советских инструменталистов. Многие из них любили, почитали за радость играть в ансамбле с Кондрашиным, зная, что он удивительно тонко понимает природу инструментального концерта, этого содружества и противоборства инструментов и оркестра. Давид Ойстрах провел с его помощью исторический цикл «Развитие скрипичного концерта»,

Эмиль Гилельс — все пять концертов Бетховена. В 1958 году любители музыки на Первом конкурсе имени П. И. Чайковского рядом с именем Вана Клиберна повторили имя Кирилла Кондрашина — так блистательно провели они III тур состязания.

Идет сезон за сезоном. Имя коллектива, руководимого Кондрашиным, все чаще появляется на концертных афишах. И, наконец, дирижер выходит на свой главный плацдарм, осуществляя поистине грандиозный замысел, — проводит пять монографических циклов. Восемь симфоний Густава Малера. Пятнадцать симфоний Дмитрия Шостаковича. Шесть симфоний Людвиг ван Бетховена. Семь симфоний Сергея Прокофьева. Поистине огромный труд. Напряжение всех душевных и физических сил. Не все здесь равноценно, были и неудачи. Но был и подлинный успех. Успех заслуженный, который по праву делили с дирижером оркестры, с которыми, помимо оркестра Московской филармонии, Кирилл Петрович осуществлял эту работу: Государственный оркестр Союза ССР, Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и Центрального телевидения, заслуженный коллектив — оркестр Ленинградской филармонии. В 1969 году за концертную деятельность дирижеру присуждается Государственная премия РСФСР имени М. И. Глинки. В 1973 году решением Всесоюзного маэстро К. Кондрашин удостоен большой золотой медали за пропаганду творчества великого австрийского композитора.

Московские сезоны — это, пожалуй, лишь часть работы Кондрашина. Кирилл Петрович недаром считается одним из активнейших пропагандистов музыки среди самой широкой аудитории. За пятнадцать лет, в течение которых он руководил оркестром Московской филармонии, им были даны тысячи концертов в многочисленных городах нашей страны и за рубежом.

Народный артист СССР Кирилл Кондрашин понимает всю меру ответственности перед слушателями, коллегами, учениками. Осмысливая, подытоживая свой огромный сорокалетний дирижерский опыт, — океан музыки, пропущенной через сердце, мозг, руки и возвращенной людям, — он стремится не только на концертах, но и в беседах, статьях, книгах расшифровать, раскрыть суть своей профессии, профессии не только музыкальной, но и общественного назначения. Еще в 1958 году появились первые статьи Кондрашина, объединенные позже в книге «О дирижерском искусстве». Скоро из печати выходит его труд «Мир дирижера». Подготовлен следующий — «О прочтении симфоний Чайковского». Вопросы теории дирижирования, вопросы педагогики сейчас особенно его интересуют.

Однажды Кирилл Петрович сказал: «Подлинный дирижер — это профессия второй половины жизни человека», понимая под этим обязательность долгого опыта, эрудиции, многолетнего труда — всех необходимых составляющих подлинной художественной зрелости. К Кондрашину пришла пора зрелости...

Народный артист СССР К. Кондрашин.
Фото Р. Богданова.